

Малые государства и геополитика

Болд Чиджиев

Развитие стран и регионов в значительной степени зависит от их места в мировой системе взаимосвязей. На это обстоятельство обращают внимание многие исследователи. Например, известные французский и американский исследователи Ф.Бродель и Й.Валлерстайн, опираясь на разработанную ими мир-системную теорию, рассматривают глобальное развитие в контексте взаимоотношения стран центра и периферии¹. В геополитическом плане периферийными территориями являются территории, которые играют второстепенную или вспомогательную роль в региональной и мировой политике и(или) находятся в стороне от активной международной жизни.

Иерархия этих отношений далеко не статична. Известны случаи, когда страна изменяли свой периферийный статус и становились одной из составляющих элементов центра мир-системы. Например, это произошло с Японией, Южной Кореей и Китаем, когда в экономическом и политическом плане об этих странах уже однозначно нельзя говорить, как о периферийных. Более того, такая страна, как США, из заокеанской периферии Запада превратились в мировой гегемонистский центр. При этом в условиях глобализации многие малые страны периферии перестали быть «забытыми уголками планеты», а начали играть значимую роль в региональной и мировой геополитике.

В то же время в системе региональных международных отношений и военной стратегии страны периферии естественным образом играли роль или играют роль «оборонного рубежа», или геополитического буфера, барьера и

ЧИДЖИЕВ Болд – аспирант Дипломатической академии МИД России. E-mail: aleksander_1945@mail.ru

Ключевые слова: малые государства, региональная геополитика, безопасность.

т.д. и т.п. Так, например, Франция, Австро-Венгрия и Российская империя рассматривали разрозненные немецкие земли как геополитический буфер между собой. После окончания Первой мировой войны подобное осуществили державы-победительницы – Англия, Франция и США, когда создали Чехословакию в Центральной Европе² и Югославию на Балканах³.

После Второй мировой войны функция геополитического буфера между двумя военно-политическими лагерями – западными государствами и СССР – осталась за Югославией, а страны Центральной Европы – Чехословакия и Венгрия, ГДР и Польша – стали выполнять роль переднего «оборонного рубежа» СССР. Роль геополитического буфера досталась также нейтральным государствам – Австрии и Финляндии.

Можно вспомнить, что Российская империя и Великобритания в 1873 г. договорились, что геополитическим буфером между ними будет территория Афганистана, а в 1907 г. произошел раздел Ирана на сферы влияния. На юге после окончания Второй мировой войны роль «оборонного рубежа» Запада стала играть член НАТО Турция.

На восточной периферии СССР геополитическую ситуацию определяли отношения России/СССР и Китая. Роль геополитического буфера между этими двумя державами выполняли территории Кореи, Маньчжурии, Монголии.

Таким образом, мировой геополитический баланс по евразийской линии Восток – Запад поддерживался их перифериями.

Нарушение геополитического баланса в связи с распадом биполярной системы международных отношений привел не только к перестройке существовавшего мирового международного порядка, но сама система современного миропорядка оказалась в точке бифуркации. С одной стороны, наметилась тенденция доминирования одного силового полюса, а с другой – появление в еще не оформившейся многополярной системе новых государственных и негосударственных центров силы, своими амбициозными действиями разрушающих тот геополитический баланс, который был создан в биполярный период мироустройства. Изменилась и роль тех периферийных территорий, которые были, по сути, амортизаторами в отношениях ведущих акторов мировой и региональной политики. Начинается транс-

формация периферийных зон и возникает ситуация неопределенности, так называемая «точка бифуркации», когда нельзя понять, какая из возможных стратегических альтернатив будет результативнее.

По примеру Зб.Бжезинского, сравнившего политику на постсоветском пространстве с шахматной игрой, отметим, что и в реальной шахматной игре существует ситуация неопределенности, когда планируются многоходовые комбинации. Вместо последовательной очередности временных отрезков, где один ход в качестве причины порождает следующий, возникающий (реализующийся) из множества вариантов, мы обнаруживаем как бы «перекрывание» временных периодов, а реальный парный ход детерминируется не только имеющимся в наличии набором возможностей, но и тем набором,

который он сам должен породить при своей реализации. Так происходит и в постбиполярной геополитике.

В настоящее время политологическая наука пока находится в поиске эвристических ответов на вызовы постбиполярного мира, когда претерпевают изменения такие характеристики системы сдерживания, как количество акторов и центров силы, соотношение сил между ними, рост дифференциации стратегических культур участников и проблемы коммуникаций. Причем дефицит идей зачастую компенсируется символами и пропагандой в духе холодной войны.

В этой связи особого внимания заслуживает теоретическое осмысление императивов постбиполярного времени. Если ранее отношения «центр – периферия» строго определялись координатами их расположения в биполярном мире, то в настоящее время малые государства могут ориентироваться на расположенные в разных региональных системах центры силы, участвовать в политической жизни вместе с другими государствами и соответствующим образом использовать их поддержку или противоречия между ними в своих интересах.

Следует также учитывать, что ряд геополитических периферий являются контактными зонами (а по С.Хантингтону, «разломами») двух и более цивилизаций. А малые народы и страны этих зон могут иметь два и более векторов культурной и геополитической ориентации. Ориентация может определяться историко-культурными, этническими и религиозными связями той ли иной группы населения контактной зоны

с внутренним и внешним пространствами, а также геополитической ситуацией⁴.

В контактной зоне остро стоит вопрос существования и развития этнических групп в политических системах. Здесь часто этническая группа имеет свое продолжение в соседнем государстве или регионе и по своей общей численности может превосходить титульные этносы государств региона. На такой периферии сложно переплетаются самые различные по содержанию и характеру социальные связи: материальные, культурные и политические. В ряде случаев эти связи и отношения приобретают такой сложный характер, что при геополитической разбалансировке начинают актуализироваться прошлые обиды и претензии и т.д. и т.п.⁵ Это, по определению, придает контактной зоне особо важный для регионального баланса сил геополитический статус, который наиболее четко проявляется в условиях международного кризиса.

Отношения государств – региональных центров силы с малыми странами периферии могут происходить в формате так называемого «зависимо-ассоциированного развития», когда центры силы являются гарантами их независимости и спонсорами развития. Следует иметь в виду, что не всегда зависимость является результатом экспансии развитых государств. Эта зависимость может быть следствием внутренних причин стран периферии, т. е. в этих странах могут быть силы, заинтересованные в указанной зависимости. Строго говоря, существует взаимозависимость, в значительной мере основанная на экономическом и геополитическом взаимодействии.

литическом интересе двух сторон – центра и периферии.

Таким образом, малое государство в геополитическом плане обладает стратегической самоценностью, и это ее самая крупная карта в геополитическом раскладе сил центров регионального и мирового влияния. Если же говорить о статусе геополитического или военного буфера, то попытки добиться ослабления фактора буферности за счет укрепления связей с центрами силы, разумеется, может приносить малому государству политические и экономические дивиденды, однако не столь значительные, чтобы понизить значение фактора соседнего государства и отношений с ним.

Примером может быть стратегический курс безопасности такого государства, как Финляндия.

Финляндия вошла в состав России в результате русско-шведских войн и стала ее периферией. В конце Первой мировой войны и начавшегося распада Российской империи финны 6 декабря 1917 г. объявили о независимости Великого княжества Финляндии от России и создали свое государство.

После этого наступил период поиска Финляндией своего места в европейской геополитической системе и отношениях с соседними государствами – СССР, Швецией и Норвегией. Точкой бифуркации для Финляндии был конец 30-х годов, когда окончательно стало ясно, что Европа раскололась и начинается перестройка европейского миропорядка. Франция и Великобритания ради мира с Германией решили «откупиться» такими малыми странами, как

Австрия, Чехословакия. Перед Финляндией встала проблема выбора: ориентироваться ли на Францию и Великобританию или на Германию. После начала в 1939 г. Второй мировой войны и захвата Германией Польши, Дании и Норвегии, а также подписания советско-германского пакта о ненападении Финляндия делает свой выбор. В сложившейся ситуации финское руководство посчитало, что ее безопасность может гарантировать только Германия. Более того, когда в июне 1941 г. Германия напала на Советский Союз, Финляндия решила, что у нее есть шанс вернуть себе и юго-восточные территории, которые после советско-финляндского конфликта перешли под суверенитет СССР.

Помимо Финляндии и некоторые другие страны европейской периферии перешли в стан фашистской Германии. Этому способствовали два обстоятельства: Мюнхенский сговор и пакт Молотова – Риббентропа, которые продемонстрировали всю противоречивость геополитической обстановки в Европе.

Малые государства периферийно-контактной зоны стали искать дополнительные ресурсы своей безопасности и гарантии своего суверенитета. Если вообще у них был какой-то выбор.

После окончания Второй мировой войны и с началом разворачивающейся холодной войны двух сверхдержав страны периферии опять оказались перед необходимостью решения проблемы выбора своей стратегии безопасности. Решение этой проблемы у государств происходило по-разному. Одни вошли в сферу влияния СССР и присоединились к воен-

но-политическому Варшавскому договору, другие сориентировались на западные державы и вступили в НАТО. Причем нейтральные государства также сориентировались по-разному. Швеция свой нейтралистский курс связала с развитием отношений со странами Запада, а Финляндия, как бы оставаясь в состоянии переживания шока от Второй мировой войны и ожидания какой-то определенности в мировой политике, не отказалась от отношений с СССР. Она стала прагматично развивать отношения и с СССР, и западными государствами, считая такую стратегию частью политики нейтралитета.

Как писал президент Финляндии У.Кекконен, «именно малому государству, не предающемуся иллюзиям, будто его позиция может склонить чашу весов в ту или другую сторону, жизненно важно вовремя суметь понять значение тех реальных факторов, от которых зависит будущее развитие в военной и политической областях. Когда решение принимается с учетом этого, оно имеет под собой именно ту эгоистическую основу, которую нынешние условия выдвигают как единственно надежную для малого государства, отстаивающего свое существование»⁶.

В целом речь идет о таких внешнеполитических направлениях Финляндии, именно как малого государства контактной зоны, которое должно учитывать расстановку сил на международной арене, для того чтобы обеспечить свою безопасность и экономический интерес.

В 70-е годы, когда в европейских столицах заговорили о необходимости международной разрядки, Финляндия приняла активное участие в этом процессе и в организации и проведении Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, Заключительный акт которой был под-

писан в Хельсинки в 1975 г. Разрядка не получилась, но заявка Финляндии на свое активное участие в мировой политике была сделана.

В постбиполярный период Финляндия пересматривает свою стратегию безопасности. В 1995 г. она вступает в Европейский союз. Соответственно, политика Финляндии как нейтрального государства определяется и обязательствами, которые проистекали из ее членства в ЕС. Но участие Финляндии в ЕС продиктовано прежде всего интересами безопасности, т.е. уверенностью, что Европейский союз может лучше обеспечить ее интересы и безопасность. Наряду с этим на субрегиональном уровне Финляндия начинает активно участвовать в политической жизни стран Северной Европы. Ранее ее западные соседи даже не считали Финляндию скандинавской страной. Во всем этом, кроме того, выражалось стремление «невозвращения» в Европу, как к этому стремились страны Центральной Европы, а являлось попыткой доказать свою европейскую идентичность, которую Финляндия по настоящему не обрела даже с провозглашением независимости в 1917 г.

Довоенная и послевоенная политика Финляндии зависела от внешних обстоятельств и была отклонением от исторического развития нации. В современном стратегическом курсе этой северной страны «исторический аспект предполагает движение из прошлого, когда Финляндия не была вполне самостоятельным актором, в «единое европейское» будущее. Территориальный аспект предполагает движение с «Востока» на «Запад». «Восток» и «Запад» – не

географические, а абстрактные понятия, противопоставляющие разные цивилизационные ориентиры»⁷.

При этом распад СССР и процессы демократизации в России заставляют финское общество и политическую элиту подвергнуть ревизии существующий образ своего восточного соседа. Появляется надежда и на переход российско-финских отношений в качественно иной формат: активизируются экономические и восстанавливаются прежние трансграничные этнические связи между финнами и карелами.

Пример Финляндии может свидетельствовать, что любое государство геополитической контактной зоны может с выгодой для себя использовать свое буферное положение. Матрицу политики и дипломатии Финляндии как малого государства периферийной контактной зоны можно использовать при анализе стратегии безопасности и других малых стран западной периферии Евразии. Такие страны сосредоточены в Центральной Европе. Одна из них – Австрия, когда-то являвшаяся ядром великой имперской державы.

Современное австрийское государство возникало в 1918 г. в результате распада Австро-Венгерской империи. Первая Австрийская республика (1918–1938 гг.) была государством, раздираемым, с одной стороны, противоречиями между различными политическими группировками, а с другой – охватившим общество после падения монархии острейшим кризисом идентичности. Это, в частности, способствовало тому, что страна была захвачена фашистской Германией.

После освобождения от фашизма Австрии необходимо было заново строить свою государственность⁸. Но после войны Австрия волновала страны-победители прежде всего с геополитической точки зрения. Запад прилагал усилия оставить Австрию в сфере своих военно-стратегических интересов. Соответственно СССР стремился этому противодействовать, но при всем этом советская политика в решении австрийского вопроса способствовала восстановлению полного суверенитета Австрийской Республики.

В период холодной войны нейтральная Австрия, как и Финляндия, в основном занималась тем, что способствовала, насколько это было возможно, мирному сосуществованию и сотрудничеству между Востоком и Западом, тем самым обеспечивая и себе безопасность и определенную экономическую выгоду. В частности, Вена содействовала созыву Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и его трансформации в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, а с другой стороны, развивала свои экономические связи с СССР.

После распада биполярного мира и окончания холодной войны Австрийская Республика начинает пересмотр своей внешнеполитической стратегии. В 1995 г. Австрия вступила в Европейский союз без оговорок о своем нейтралитете. В австрийских правящих кругах это рассматривалось как важнейшее событие после заключения Государственного договора и принятия Федерального конституционного закона о нейтралитете Австрии. После ратификации австрийского Соглашения присоеди-

нения к ЕС в Федеральную конституцию была добавлена ст. 23f, где указывается, что этот акт не противоречит Закону о государственном нейтралитете с точки зрения конституционного права.

Одной из существенных мотиваций для присоединения Австрии к ЕС было то, что это предполагало принадлежность к зоне европейской стабильности и безопасности. В то же время на протяжении всех 90-х годов и в начале нового века в политических кругах и в обществе Австрии шла острая дискуссия о политике постоянного нейтралитета, проводимой австрийским правительством. Определенная часть австрийской политической элиты и общественности выступала за полный отход от политики постоянного нейтралитета или в крайнем случае за сведение этой политики к ее «военному ядру», т.е. военному нейтралитету. При этом они выдвигали такие аргументы:

1. Нейтралитет изжил себя, поскольку Европа, да и весь мир в целом вступили в эпоху всеобщего мира.

2. Участие в оборонительных союзах наилучшим образом обеспечит национальную безопасность Австрии.

3. Нейтралитет, исключаящий участие в коллективных миротворческих акциях НАТО, лишает нейтральные государства возможности вносить свой вклад в дело укрепления международного мира и безопасности; политика самоустранения от решения проблем мира является аморальной.

4. Отсутствие заинтересованности крупных держав в сохранении института нейтралитета.

5. Нейтралитет препятствует развитию европейской интеграции.

В то же время в Австрии были и решительные сторонники продолжения нейтрального курса страны. Они считали, что:

– нейтралитет является гарантией государственной независимости и суверенитета страны как малого государства, ибо такой международно-правовой статус создает ему достаточное пространство для политического маневра; он позволяет проводить самостоятельную политику во всех областях;

– политика постоянного нейтралитета, способствующая укреплению мира и развитию сотрудничества, приносит определенные экономические дивиденды, благоприятно сказывается на экономическом росте страны, поскольку эта политика включает в себя широкие экономические связи со всеми странами, большими и малыми, членами союзов и неприсоединившимися; для этой политики характерны небольшие затраты на оборону;

– политика постоянного нейтралитета не означает самоизоляции;

– нейтральные государства являются зонами мира, в которых не только запрещается размещать ядерное оружие, но и исключается иностранное военное присутствие; государство с нейтральным статусом является предсказуемым партнером и стабилизирующим фактором в международных делах. Его способность подходить к проблеме с более или менее независимых позиций укрепляет и повышает его авторитет и вес в международной политике. В результате нейтральные государства способны играть роль посредника для налаживания диало-

га, по урегулированию существующих разногласий;

- нейтральные государства играют большую роль в исполнении по просьбе международных организаций функции наблюдения и контроля;

- нейтральные государства, проводя миролюбивую политику невмешательства в дела других субъектов международного права, не участвуют в силовых операциях;

- нейтральные государства, пользующиеся большим доверием в мире, становятся местом проведения международных конференций и встреч, нахождения штаб-квартир ряда влиятельных международных организаций;

- нейтральный статус является фундаментом для активных действий в гуманитарной сфере по защите прав и свобод человека.

Австрия, формально придерживаясь статуса нейтралитета, тем не менее реально не отказывалась и от взаимодействия с военно-политическими структурами Запада и, в первую очередь, в рамках Евросоюза. Как представляется, новый австрийский курс во внешней политике – это попытка подстроиться под постбиполярные реалии – современную военно-политическую стратегию США и ведущих западноевропейских держав.

Процессы, происходящие в Австрии, имеют ряд общих черт с процессами в других странах Центральной Европы, обусловленных геополитическим положением и историческим прошлым данного субрегиона.

В межвоенный период такая малая страна, как Венгрия, переживала не менее серьезный нацио-

нальный кризис. В июне 1920 г. представители Венгрии как проигравшей в составе Австро-Венгрии страны были вынуждены подписать со странами Антанты катастрофический Трианонский мир (1920 г.). Вместо умиротворения этот договор – как и вся «версальская система» – привел лишь к росту реваншистских настроений. Главной целью внешней политики послевоенного режима Венгрии стало возвращение населенных венграми территорий, отошедших по условиям мира к Чехословакии, Румынии и Югославии. В результате Венгрия в конце 30-х годов встала на путь сотрудничества с гитлеровской Германией. Этот союз принес лишь кратковременный успех: в 1939–1941 гг. им удалось при поддержке Гитлера вернуть Северную Трансильванию, населенные венграми районы Словакии и Воеводины, а также Закарпатскую Украину. Однако разгром Германии и ее сателлитов во Второй мировой войне обернулся для Венгрии отдачей всех перечисленных территорий и приходом к власти коммунистов с вхождением в сферу влияния СССР.

Вопрос о создании независимого Чехословацкого государства в Центральной Европе возник в период Первой мировой войны при подъеме национализма в Австро-Венгерской империи. Непосредственно Чехословацкая Республика возникла в конце Первой мировой войны, и 28 октября 1918 г. все страны Антанты и их союзники признали новое государство, и оно стало важным звеном европейской геополитической системы в качестве буфера между европейскими государствами и СССР⁹. Впоследствии эта страна стала жертвой

раскола Европы. Оккупация Чехии в 1938 г., происходившая на основе Мюнхенского сговора между фашистской Германией, с одной стороны, и Великобританией и Францией – с другой, нанесла серьезную травму чешскому народу. Для населения Чехии этот шаг западных союзников

выглядел как предательство. До сих пор большинство народа именно так расценивает этот политический акт. В ходе Второй мировой войны Чехословакия была освобождена Советской армией и впоследствии вошла в лагерь социалистического содружества.

Центральная Европа являлась и является зоной малых стран, находящихся между великими державами: Германией и Россией, а также ЕС и Россией. Историки и политики традиционно рассматривают Центральную Европу лишь как объект геополитического соперничества европейских империй, а в период холодной войны и идеологического – как соперничество двух сверхдержав. При этом малое государство – «это такая нация, существование которой в любой момент может зависнуть на волоске, которая может исчезнуть и знает это»¹⁰. Во всяком случае, такое имело место в прошлом.

Сама жизнь заставляет народы Центральной Европы «разбираться в вопросах национального сознания своих экономически могущественных соседей»¹⁰, находящихся между Германией и Россией малых наций и государств. Центральная Европа – «отчизна малых наций, создала собственное мировоззрение, основанное на глубоком недоверии к истории. ...Неотделимые от истории всей Европы и не могущие без нее жить, они, жертвы и аутсайдеры, стали словно оборотной стороной этой истории. Оригинальность и мудрость их культур вытекает из полного разочарований исторического опыта»¹¹.

В свою очередь швейцарский ученый У.Альтерматт отмечает, что «гораздо сильнее, чем в Западной Европе, люди, места и даты в качестве моментов коллективной памяти присутствуют в воспоминаниях народов Центральной Европы и символизируют постоянную борьбу...»¹² У.Альтерматт подчеркивает тот особенный факт, «что люди этого региона больше склонны суживать внутренние пространства Европы, чем западноевропейцы. Рассматривая себя в качестве европейцев, они в большинстве случаев, скрыто и явно, отграничиваются от... соседей...», которых, по их мнению, нельзя причислить к европейцам¹².

Центральная Европа в прошлом представляла собой буферную зону между западными державами и Россией/СССР. Любое столкновение между ними ставило под угрозу безопасность центральноевропейских народов. После вступления центральноевропейских государств в НАТО они реально в стратегическом плане превратились в передовой рубеж этой организации на востоке Европы. Теперь нельзя однозначно утверждать, что настоящее и будущее этих стран так безоблачно. Так, начало развертывания Вашингтонской системы противоракетной обороны в Европе вблизи границ России заставляет ее искать ответные решения.

Таким образом, история повторяется: малые государства в который раз оказались в зависимости от политики великих держав. Но несмотря на тот

факт, что в условиях формирующегося мультиполярного мира малые страны восточной европейской периферии имеют прозападную ориентацию и рассматривают европейские интеграционные структуры как гарантию их безопасности. России следовало бы в противовес США и НАТО учитывать и представления каждой из этих центральноевропейских стран о своей национальной безопасности в контексте их истории и менталитета, проводя тонкую дипломатию.

Примечания

- ¹ Бродель Ф. *Время мира* / пер с фр. М., 1990; Валлерстайн И. *Россия и капиталистическая мир-экономика* // *Свободная мысль*. 1996. № 5.
- ² Савваитова М.Д. Чешский вопрос в официальных кругах России после Первой мировой войны // *Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории*. М., 1994. С. 113–126.
- ³ Задохин А.Г. *Международные отношения на Балканах: национализмы и конфликты*. М., 2002. С. 7–20.
- ⁴ Задохин А.Г. *Политические процессы на периферии Евразия*. М., 1998. С. 5–11.
- ⁵ Ирхин Ю.В. *Политология*. М., 1996. С. 296.
- ⁶ Кекконен У. *Тамминиеми* / пер с фин. М., 2006. С. 38.
- ⁷ Кононенко В.А. *Формирование национального образа Финляндии как аспект внешней политики современного государства*. М., 2005. С. 29.
- ⁸ Австрийская Республика. Конституция и законодательные акты / под ред. и с вступительной статьей проф. И.П.Ильинского. М., 1980; Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии // *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*. М., 1960. Вып. XVII и XVIII. С. 34–73; *Osterreichisches Jahrbuch* 1955. Wien, 1956; Федеральный конституционный закон о нейтралитете Австрии // *Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich*. Wien, 1955. № 211.
- ⁹ Ефремов А.Е. *Советско-Австрийские отношения после второй мировой войны*. М., 1958; СССР в борьбе за независимость Австрии. М. 1965; Максимова О.В. *Отношения Австрийской Республики с СССР и Российской Федерацией: общее и особенное, исторический опыт и новые тенденции*. М., 2008. С. 11.
- ¹⁰ Дрожин С. *Интерпретация истории в российско-германских отношениях* // *Аналитические записки*. М., 2002. Сентябрь.
- ¹¹ Леваш И.Я. *Средняя Европа: структура и геополитический выбор* // *ПОЛИС*. 1995. № 1. С. 58–59.
- ¹² *Альтернатив* У. *Этнонационализм в Европе*. М., 2000. С. 295, 294.